

Методологические проблемы социологии

1995 г.

Ю.Н. ДАВЫДОВ

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ XX ВЕКА

ДАВЫДОВ Юрий Николаевич - доктор философских наук, заведующий сектором Института социологии РАН

Отправной пункт нашей концептуальной схемы - существенно важная, и, к сожалению, все еще недостаточно учитываемая роль, какую сыграли в судьбе теоретической социологии в наш век два «больших», можно даже сказать «общих», если не тотальных *кризиса*, поставившие под вопрос ее фундаментальные постулаты. Первый из них начался еще и конце прошлого века, но кульминации достиг в 20-х годах нынешнего столетия. Второй достиг своего пика на рубеже 60-70-х, но его «извержения» давали о себе знать на протяжении всего последующего десятилетия.

Глубинным содержанием как первого, так и второго кризисов, если рассматривать их с общеметодологической точки зрения, выступает обнаружение коренной антиномичности взаимоотношений «социологического реализма», с одной стороны, и «социологического номинализма» - с другой, сосуществующих в периоды *стабилизации* социологической теории на основании своеобразной «формулы компромисса». Во времена Гоббса м Локка такой компромисс проходил под знаком преобладания номиналистической тенденции, а во времена Конта и Маркса, наоборот, под знаком явного превосходства реалистической тенденции. Однако к концу прошлого века усилилась номиналистическая тенденция (и особенности в связи с тем прорывом в области методологии наук о культуре, который был осуществлен ведущими теоретиками Баденской школы неокантианства). Резко возросло число претензий к «социологическому реализму», вследствие чего нарушилось - и без того неустойчивое - равновесие между этими теоретико-методологическими установками. Затянувшаяся «разборка», эпицентр которой находился и Европе, вылилась в общий кризис социологической теории, определявший ее развитие на протяжении первых трех десятилетий XX века. Аналогичная ситуация сложилась в теоретической социологии и 60-70-х годах.

Стремление преодолеть кризисную ситуацию в социологической теории, подспудно нараставшее как результат осознания ее пагубности для судеб социологии вообще, в обоих случаях породило тягу к стабилизации социологического знания. Периоды кризиса и в первом, и во втором случаях сменились пафосом реконструкции и поиском прочных оснований, на коих можно было заново воссоздать здание теоретической социологии. Под знаком такого устремления, а его можно именовать стабилизационным, происходило развитие социологии в 30-50-е годы нынешнего века вначале в США, явно опередивших европейские страны, а позже (после второй мировой войны) и в Европе. Кульминационный пункт обозначен интегративно ориентированными социологическими системами интегральной социологией П. Сорокина и структурным функционализмом Т. Парсонса. Аналогичное устремление, нараставшее после кульминационного «всплеска» второго общего кризиса теоретической социологии, также обернулось попыткой создать синтетические теории. Такого рода тенденции дали о себе знать уже в русле «Всбровского ренессанса», провозвестники которого (прежде всего В. Шлюхтер) стремились акцентировать конструктивные аспекты социологического учения Вебера, преодолевая одно-стороннее представление о нем как о теоретике едва ли не «нигилистического» склада (К. Ясперс). но в особенности - в системных построениях Н.Лумана и позднего Ю. Ха бермаса с его двухтомной «Теорией коммуникативного действия».

Существенно важным для понимания тотального характера названных социологических кризисов было то, что они не просто совпали по времени, но и находились в своего рода

«избирательном средстве» (понятно, введенное в общественное сознание XIX века Гете и социологически операционализированное в XX веке Вебером) с мировоззренческим кризисом, который дал о себе знать со всей мощью уже на рубеже XIX-XX столетий, чтобы повториться в виде «контркультурного кризиса» 60-х годов. В обоих случаях речь шла уже не о кризисе определенного понимания «научности» в социологии, но о кризисе миропонимания (или, как писали русские мыслители начала века, «миросозерцания») в целом. Результатом каждый раз оказывалось выдвижение на авансцену западной культуры совершенно особого типа общественного сознания, а именно *кризисного сознания*, в атмосфере которого до предела заострялись все иные антиномически-конфликтные теории. до поры, до времени скрывавшиеся в культурной «подпочве». В эпоху первого «извержения» общемировоззренческого кризиса его симптомами и одновременно ферментами были, с одной стороны, нищешанство с его идеей «переоценки всех ценностей», а с другой - набиравший силу расизм, который К. Ясперс справедливо назвал одним из трех «противоразумов» нашего века. Однако на излете кризиса, имевшего первоначально праворадикальный оттенок, откристаллизовалась и леворадикальная, а именно неомарксистская версия «кризисного сознания» (молодой Г. Лукач и следовавшая за ним Франкфуртская школа).

Хотя неомарксизм, противопоставивший расистскому «противоразуму» два других - марксизм и фрейдизм (а именно они фигурируют наряду с расизмом в ясперовской триаде), возник в атмосфере первого «кризиса мирозерцания», ему предстояло сыграть решающую роль - в качестве катализатора - значительно позже: во времена второго кризиса. К атому времени в рядах неомарксистов состояли не только теоретики Франкфуртской школы (Хоркхаймер и Адорно. Маркузе и Фромм), но и левые экзистенциалисты, а именно Ж.П. Сартр, которого экзистенциально ориентированный философ и социолог М. Мерло-Понти назвал «ультра-большевиком», да и он сам. В атмосфере небесконфликтного взаимодействия фрейдо-марксизма Франкфуртской школы, экзистенциал-марксизма Сартра и феноменологического марксизма Мерло-Понти уже начинался процесс кристаллизации той взрывчатой смеси, которую нельзя определить иначе, как «социологический радикализм», с самого начала обнаруживавший тенденцию к *распредмечиванию* социологии, что и определило теоретико-методологическое содержание ее второго, всеобъемлющего кризиса.

Масштабы второго большого кризиса социологической теории, заслуживающего название общего, или тотального, в еще большей степени, чем первый (поскольку уже нельзя было указать такую развитую страну Запада, и прежде всего США, ранее «отстававшую» в этом отношении, где социология не оказалась бы вовлеченной в процесс прогрессирующего разложения основ социально-научного знания, дотеле считавшихся незыблемыми) предопределили крайнюю неопределенность перспектив «стабилизационного сознания» в этой сфере науки. Разъедаемая слишком далеко зашедшей саморефлексией, ищущей своекорыстный «классовый интерес» за каждым поворотом собственной мысли (вспомним «рефлексивную социологию» Гоулднера, сообщившую второе дыхание аналогичным установкам «франкфуртцев»), теоретическая социология обнаруживала явную робость в утверждении положительных принципов, необходимых для всякой *стабилизирующей реконструкции* общесоциологического знания. Ибо даже над сознанием социологов, явно испытывавших потребность в стабилизации социологической теории, тяготела опасность оказаться «недостаточно критичными» в отношении к собственным основоположениям и тем самым получить от радикализировавшегося социологического истеблишмента квалификацию неоконсерваторов. Так создалась ситуация, при которой стабилизационные устремления в социологии вынуждены были мимикрировать, выступая в радикалистском облачении. Этими чертами отмечена, в частности, эволюция от неомарксизма к стабилизационно ориентированной социальной теории даже таких крупных-современных социологов, как Ю. Хабермас и Э. Гидденс.

Своеобразной реакцией на скованность современного теоретического сознания *догматизированной дихотомией* «левого - правого» так же, как дихотомией «социологического радикализма - социологического консерватизма» или «критически-рефлексивного прогресса - некритически-конформистской реакции», явно утративших прежний эвристический смысл для нового поколения социологов и культурологов, стал постмодернистский бунт в сфере наук о культуре (куда со времен Вебера причисляют социологию). Его нельзя понимать иначе, как очередную попытку опрокинуть «шахматную доску» социально-культурологической теории, перечеркнуть прежнюю линию разме-

жевания, попытавшись нейтрализовать противоположность «левых» и «правых» теоретиков, воссоединив их под общим знаменем *гиперрадикализма*, доведенного до вывода о «конце современности» как таковой и наступления постсовременности, т.е. постмодерна. Под современностью в идеологии постмодернизма понимают всю эпоху Нового времени, или, как давно уже называли ее социологи-неогегельянцы «левого» и «правого» толка (Г. Лукач и Х. Фрайер, за которыми последовали двадцать лет спустя авторы «Диалектики просвещения» М. Хоркхаймер и Т. Адорно), «эпоха буржуазности», «буржуазный век» и т.д. Конец этой эпохи означает, с точки зрения постмодернистов, исчерпание современности со всеми ее разграничительными линиями, ее «до» и «после», «вчера» и «завтра», «прогрессами» и «реакциями», «революциями» и «контр-революциями». «Надоело!» Надоели все дихотомии, ставшие новыми оковами теоретического сознания. Таково возмездие за леворадикалистскую догматизацию, которое неизбежно должно было наступить несмотря на всю сомнительность постмодернистской попытки отменить, так сказать, «заодно» и само *время* с его суровой *необратимостью*, исключающей возможность «сделать бывшее небывшим» (что так возмущало Л. Шестова, бунтовавшего на постмодернистский манер еще в начале века).

Читатель заметит, что общая ритмика смены «кризисной» тенденции в теоретической социологии - «стабилизационной» вовсе не является специфической особенностью ее эволюции в XX столетии. Как известно, уже социология О. Конта (многим обязанного своему учителю Сен-Симону) родилась из сознания общего кризиса, в какой ввергла Францию, а затем и всю Европу просветительская идеология и родившаяся в ее недрах социальная теория. Эта идеология, представшая в виде теории, претендовавшей на аксиоматически достоверную научность, была превращена сословием юристов (Сен-Симон и Кокт называли их «легистами») в разрушительное орудие - таран, с помощью которого они низвергли существовавший во Франции социальный порядок, ввергнув страну в анархию и возглавив революцию, которая увенчалась якобинским террором и серией кровопролитных наполеоновских войн, истощивших силы французского народа и внесших хаос в международные отношения. В свете того неутешительного итога, каким завершился «век Просвещения», вся эпоха была определена Контом (опять-таки вслед за Сен-Симоном) в качестве *кризисной* - в противоположность предшествующей *органической*.

Социологии, которую выстраивал Конт, предстояло сыграть решающую роль в преодолении кризисного сознания (с его просветительством, обернувшимся революционистским утопизмом), утвердив органические начала стабилизационного сознания с его пафосом социального порядка и согласия (консенсуса). Причем точно так же, как и просветительская социальная наука, представлявшая собой систематизацию аксиоматики «естественного права», контовская социология мыслилась в качестве не только теоретического, но и практического выражения определенного (в данном случае стабилизационного - в противоположность кризисному) типа сознания, с помощью которого надлежало «структурировать» целую эпоху. Иначе говоря, социология О. Конта с самого начала мыслилась как наука о социальном порядке и цементирующем его консенсусе.

Любопытно, что точно таким же образом мыслилась (в рамках предыдущего этапа эволюции социального знания - гоббсовско-локковского) наука о государстве и праве у Гоббса и Локка, а затем Монтескье и Канта, еще не различавших политическо-правовой и собственно социологической проблематики. Однако это не помешало позднейшим просветителям, начиная с Руссо, превратить теорию социального порядка в теорию социальной революции. Этот факт достаточно выразительно свидетельствует о том, что теоретической ориентации на социальный порядок как таковой еще недостаточно для того, чтобы предотвратить ее превращение в теорию социального беспорядка или дезинтеграции. А для того чтобы такое превращение стало вообще возможным, нужно было ввести в социальную теорию еще один принцип, невыводимый из идеи социального порядка (т.е. интеграции): принцип преднамеренного дезинтегрирования общества, а именно социальной революции. Он же, в свою очередь, предполагает определенный сдвиг на уровне социально-философских и общемировоззренческих «миросозерцательных») предпосылок теории социальной интеграции.

Во времена Руссо, немецкого диалектического идеализма и Маркса этот весьма симптоматичный сдвиг мало проявил себя через комплекс представлений, вылившихся в конце концов в марксову концепцию социального отчуждения, которое понималось как искажение «подлинно человеческого состояния». В качестве примера такого рода отчуждения у

Руссо, Фихте и Маркса предстал существующий социальный порядок, хотя только последний превратил его в основополагающий *социально-философский* принцип *социально-экономической* теории. Поскольку любой налично существующий порядок предстал как нечто не-, если не противо-естественное (Руссо) или «бесчеловечное» (Маркс), постольку возникла мысль о необходимости его «революционного низвержения»,

Так выглядела эволюция «кризисного сознания» в социально ориентированном мышлении XVIII—XIX веков. Отталкиваясь (в обоих смыслах этого слова - позитивном и негативном) от идей Гоббса, рассматривавшего общественное, т.е. граждански-государственное состояние жизни людей как неестественное, хотя совершенно необходимое и абсолютно оправданное, с точки зрения принципа их гарантированного самосохранения. руссоисты, одержимые утопической идеей возврата в естественное состояние, в конце концов привели ее в нерасторжимую - во всяком случае, для них самих - связь с идеей *политической* революции. Нечто аналогичное (если иметь в виду парадигму просветительской версии «кризисного сознания») произошло у Маркса, чей руссоизм был опосредован фейербахианством: он сплавил идею возвращения «обесчеловеченного человека» в «подлинно человеческое» состояние с идеей *социальной* революции.

Причем, как убедительно засвидетельствовала сама история, и «руссоистская», и «марксистская» революции на деле означали ликвидацию существующего социального порядка, сопровождающуюся возвратом в гоббсово «естественное состояние» (а именно - состояние «войны всех против всех»), которое сменилось наступлением нового социального порядка лишь после столь же продолжительного, сколь и мучительного периода социальной дезинтеграции. Что, впрочем, не помешало появлению новых приверженцев и активных носителей кризисного (оно же и революционистское) сознания ни во Франции в период стабилизации, наступивший после «руссоистской» революции, ни в России в период тоталитаризма, утвердившегося под лозунгом «диктатуры пролетариата».

Даже во Франции, не говоря уже о России, новая социальная интеграция, пришедшая на смену революционному «естественному состоянию», принесла с собой новые социальные ограничения, подчас более жесткие и суровые, чем дореволюционные (особенно - пред-революционные). А это вызвало ностальгию по «естественному состоянию», в атмосфере которой как-то забылось, что оно — неизбежно — и состояние «войны всех против всех». никак не гарантирующее самосохранение людей. Вот откуда поразительная живучесть «кризисного сознания», возрождающегося как Феникс из пепла *перегоревших* воспоминаний об ужасах революционного террора, причем возрождающегося именно в периоды наибольшей общественной стабилизации, минимализирующих угрозы человеческому существованию.

Сказанным можно объяснить, по крайней мере отчасти, тот факт, что марксизм, внесший в социальную науку прошлого века «дух кризиса», начал явно теснить, по мере приближения к XX столетию, позитивистскую версию науки об обществе, исполненную духа стабилизации и согласия, а в России (достигшей к тому времени наивысшего экономического подъема, да к тому же еще вообще «не нюхавшей» действительной революции и знавшей о ней лишь понаслышке) одержал сокрушительную победу. Этим можно объяснить также, хотя опять-таки не целиком (ибо никогда нельзя сбрасывать со счетов и внутреннюю логику развития самих идей, равно как и иноземные идейные воздействия), широкое распространение неомарксизма на Западе, приведшее к кризису стабилизационно ориентированную академическую социологию, что совпало по времени с периодом максимально возможной социально-экономической интеграции, достигнутой сначала в США, а затем в ведущих западноевропейских странах.

Как видим, со второй половины XIX столетия общественная наука предстает расколотой на две версии - стабилизационную и кризисную, противостоящие друг другу настолько радикальным образом, что научное с точки зрения одной из них представлялось ненаучным с другой. К тому же неомарксизм в первый период своего развития и сам отказывался от притязаний на «буржуазный статус» науки, рассматривая себя в качестве «критической теории» (Хоркхаймер) или «критической теории общества» (Маркузе), имеющих целью разоблачение «буржуазной идеологии» вообще и социологии - как одной из ее составляющих - в особенности. Так или иначе, но на протяжении достаточно долгого времени две ветви социального знания, произрастающих из единого ствола и одинаково претендующих на «подлинную истинность», решительно противостояли друг другу. И лишь в ходе второго общего кризиса теоретической социологии, когда неомарксизм, который

взяли на вооружение леворадикальные социологи, пробил себе дорогу в социологический истеблишмент (а в США занял господствующее положение в системе университетского социологического образования), он был уравнен в нравах с академическими теориями общества. Что, кстати сказать, свидетельствовало о далеко зашедшей трансформации академической социологии уже к концу 70-х годов.

Однако еще в ходе первого большого кризиса социологической теории стало очевидным, что линия ее раскола проходит не только между «кризисным сознанием» и сознанием «стабилизационным». Другая линия раскалывает само «кризисное сознание»: это размежевание между «левым» и «правым» радикализмом, или, если воспользоваться терминологией Х. Фрайера, между «революцией слева» и «революцией справа». Подобно тому, как сам Х. Фрайер многое заимствовал у основоположника неомарксизма Г. Лукача, «утилизуя» гегельянизированного им К. Маркса в своей теории «революции справа», такие неомарксисты, как Г. Маркузе, М. Хоркхаймер и Т. Адорно, а впоследствии и Ю. Хабермас, далеко идущим образом заимствуют фрайеровские ходы мысли в интерпретации таких марксистских понятий как «техника», «буржуазность», «революция». Да и понятие «индустриальное общество», широко использовавшееся «франкфуртцами», также из теоретического арсенала этого идеолога «революции справа». И в целом были не так уж неправы те либерально ориентированные критики неомарксизма, которые рассматривали его «критическую теорию общества», с одной стороны, и фрайеровскую «социологию как науку о действительности» - с другой, как два ответвления от одного и того же корня: *неогегельянства*, представшего, подобно гегельянству 30-40-х годов прошлого века, в двух версиях - левой и правой.

Надо сказать, что когда речь заходит о теоретической социологии, мы рискуем не понять очень многое, не учитывая глубинных - философско-мировоззренческих - истоков социологических размежеваний, расколов и кризисов: их нельзя забывать даже тогда (а быть может, особенно тогда), когда о них хотят забыть сами социологи - теоретики, тщательно оберегающие «семейную тайну» своего рождения, или, пользуясь фрейдовским выражением, «родовую травму». Логика общемировоззренческих предпосылок, положенных в основание социологической теории, неизбежно дает о себе знать (если это действительная теория, а не набор противоречащих друг другу высказываний) независимо от того, помним ли мы или уже забыли об их фактическом происхождении.

Во всяком случае то, что говорилось о внутреннем родстве левой и правой версий «кризисного сознания», связанном с их общим происхождением из лона неогегельянства первой трети нашего века, позволяет глубже понять характерную черту неомарксизма, отмеченную историками социологии XX столетия - его *гипертрофированный антипозитивизм*. Его «тайна», лишь внешне образом прикрываемая разговорами о «марковском материализме» и различными «натуралистическими» реминисценциями, заключается все в том же *неогегельянском идеализме*, который сам, в свою очередь, был попыткой синтеза неокантианства и философии жизни. Ею же, этой «тайной», объясняется и внутренняя связь антипозитивизма франкфуртцев, доходящего до аннигиляции всякой фактичности, и их революционизма, то тут, то там разрешающегося экстремистскими выплесками. Да и как же иначе: если в гегельянском (и неогегельянском) духе отождествлять всякую объективацию и «отчуждение», а последнее рассматривать как феномен «буржуазности», то и гипертрофированный антипозитивизм, и экзальтированный революционизм будут требовать одного и того же: «развеществления» этого, «насквозь буржуазного», мира.

Если ко всем отмеченным здесь расколам и размежеваниям (включая контраверзу «позитивизма - антипозитивизма»), институционализируемым в противоборстве различных течений, ориентаций и тенденций теоретической социологии, присовокупить еще противостояние «номиналистического» и «реалистического» устремлений, то станет совершенно очевидным: резонанс всех этих «напряжений» и «натяжений» не может не вызвать (как это и произошло в XX столетии) эффект общего кризиса социологической теории. Причем каждый кризис, вызывавший, по мере его осознания сообществом социологов, стремление к его преодолению, не мог не определять на достаточно длительное время судьбу теоретической социологии, пока ее не брали в свои руки ученые, заинтересованные и общетеоретической стабилизации дисциплины, а главное - способные внести весомый вклад в дело стабилизации.

Такова внутренняя динамика эволюции теоретической социологии в наш век. Этой динамикой определяется еще один характерный феномен развития теоретической

социологии в XX столетии. Речь идет о «ренессансах» различных социологических теорий, вернее, определенных комплексов такого рода теорий, персонифицированных учениями тех или иных социальных мыслителей прошлого - Маркса («марксистский ренессанс»), Вебера («веберовский ренессанс»), Дюркгейма («дюркгеймовский ренессанс»), Зиммеля («зиммелевский ренессанс»). О «ренессансах», которые оказались особенно во времена поисков выхода из второго общетеоретического кризиса социологии вполне сознательно применяемым способом стабилизирующего развития социологической теории.

Общую почву такого рода «ренессансов» - в особенности, если иметь в виду «ренессансы» социологических представителей «кризисного сознания», таких как Маркс, Вебер и Зиммель - было то, что при одинаковой тотальности первого и второго кризисов теоретической социологии второй из них оказался гораздо более глубоким, радикальным и разрушительным. А потому то, что представлялось чисто деструктивным в период первого кризиса (в особенности на фоне предшествующего ему стабилизационного устремления в социологии), в период второго начинает обнаруживать конструктивные аспекты, развитие которых обещает нечто вроде «света в конце туннеля» - выход из кризисного тупика.

Такого рода «стабилизирующие» элементы либерально настроенные теоретики социологии (например, Р. Арон) в период «марксистского ренессанса», последовавшего за кульминацией второго социологического кризиса, искали в произведениях позднего Маркса (в особенности в подготовительных работах к «Капиталу»), стремясь противопоставить его раннему - эсхатологически-революционистскому - Марксу как предтечу современной теории индустриального общества. Провозвестники «веберовского ренессанса», преодолевая довольно распространенные попытки «левых либералов» представить Вебера чуть ли не в качестве нигилиста, пессимиста и апологета харизматического авторитаризма, открыли для современной теоретической социологии другого Вебера, который наметил перспективу развития *универсально-исторической* социологии, преодолевающей заикленность нынешней социологии на реалиях (и категориях) *современного европейского капитализма*, игнорирующую предшествующую - по крайней мере, трехтысячелетнюю - социокультурную жизнь человечества.

Функция, какую выполняют подчас социологические теории, родившиеся из духа кризисного сознания, при переходе от деструктивного этапа эволюции теоретической социологии к конструктивному, явно наводит на мысль о границе каждого двух типов социологического сознания - и кризисного и стабилизационного. В пользу вывода о такого рода относительности их противоположности свидетельствует, на первый взгляд, и та роль, какую сыграл марксизм в России, где он первоначально предстал как орудие тотального разрушения традиции, культуры, наконец, самого социально-научного знания (хотя все это и совершалось российскими марксистами от имени «подлинной науки»), в затем был превращен в инструмент утверждения тоталитарной власти, простирающейся на все области человеческого существования. Но, как показали уже западные неомарксисты (для которых этот неудобный факт грозил разрушением основного постулата, согласно которому марксизм - это единственная, до конца последовательная «критическая теория»), чтобы выполнить такую роль «стабилизатора» тоталитарного господства, марксизм должен был фактически утратить свое теоретическое содержание, обросшее идеологическими догмами. Впрочем, и здесь неомарксисты допустили явный перегиб, полностью абстрагировавшись от теоретических постулатов марксизма, не только не препятствовавших, а наоборот, способствовавших его использованию в целях стабилизации тоталитарного господства.

Но главное, что неомарксисты оставляли в тени при истолковании русского марксизма как догматической идеологизации «подлинной критической» теории, - это особенности самого тоталитарного режима, не случайно продолжавшего держаться за «марксистскую» науку об обществе. Они не учитывали (или не хотели учесть) тот факт, что марксизм продолжал функционировать в тоталитарной России как *теория перманентной революции*, составляющая, по их собственному признанию, «революционную душу» марксистской науки об обществе. Ибо для того чтобы увидеть (а главное признать) его, нужно было согласиться с тем, что ликвидация целых общественных классов, систематические чистки, политика агрессии и захватов, насильственные переселения целых народов - все это и было *фактически* «перманентной революцией», возвещенной марксистской наукой об обществе.

Это - *самое главное*, это, а не отдельные моменты или аспекты учения Маркса определяет принадлежность его именно к кризисному, а не к стабилизационному типу теоретического сознания.

Надо сказать, что свои «ренессансы» переживают социологические теории, как исполненные «духа кризиса», так и стабилизационно ориентированные, хотя обращаются к ним в поисках выхода из общесоциологического кризиса отнюдь не в первую очередь. Ведь, как это наглядно проиллюстрировал второй кризис, кризисные тенденции первоначально пробивают себе дорогу, предвещая анархию в области социологической теории, именно в ходе критики ведущих стабилизационно ориентированных теорий, предлагающих «формулу компромисса» между противоборствующими теоретическими устремлениями. С начала 60-х годов основным объектом такой критики была структурно-функциональная теория Парсонса, предложившая свою «формулу компромисса» между «социологическим реализмом» (Дюркгейм) и «социологическим номинализмом» (Вебер). Отказ от этого компромисса привел к тому «грядущему кризису социологии», который - в духе «самоосуществляющегося пророчества» - прогнозировал А. Гоулднер. И наоборот: с конца 70-х годов, когда в связи с поисками выхода из социологического кризиса вновь стал пробуждаться интерес к социологам-теоретикам, персонифицирующим «дух синтеза и интеграции», стали чаще поминать имя Парсонса уже не в одном только критически-разоблачительном контексте. Но лишь в следующем десятилетии начинают поговаривать о «парсоновском ренессансе», который нашел не только прямое, но и косвенное выражение: в целом ряде теоретических построений, созданных путем синтезирования парадигм, прежде казавшихся несовместимыми, например, «теории коммуникативного действия» Хабермаса (заставляющая вспоминать о «теории действия» Парсонса).

Работы названного типа (а к ним можно причислить также обобщающие труды американца Дж. Александера и англичанина Э. Гидденса) лишь укрепляют нас в убеждении: формой развития теоретической социологии на исходе нашего века становится *историко-теоретическое* исследование. Мы же имеем достаточно серьезные основания говорить еще об одном синтезе - синтезе истории и теории социологии вообще. Одно из выразительных свидетельств этой тенденции - *историческая* ориентированность сугубо теоретической работы Э. Гидденса «Социология. Вопросы и проблемы» (первое издание - 1968, второе - 1982 гг.), засвидетельствованная им самим. «Пожалуй, главной отличительной чертой данной книги является ее теоретическая направленность» [I. с. 129], - пишет он и тут же поясняет, подчеркивая принципиальную значимость ее другой «отличительной черты»: «хотя социология и история преподаются как две совершенно различные дисциплины, такой подход я считаю ошибочным» [I. с. 129].

ЛИТЕРАТУРА

I. Гидденс Э Социология (предисловие и гл. 1) // Социол. Исслед. 1994. № 2.